

Осип ФУФАЧЕВ

МУРАВЕЙ

Почти кладу мотоцикл на асфальт, входя в поворот, но не сбавляю скорость.

Сейчас я разобьюсь.

Но нет, жалобно воя, мотоцикл выполняет задачу. Ему страшно, он не хочет умирать.

Большой, неуклюжий жук шлепком врзается в визор, дрожит желто-зеленой кашицей, высыхает на ветру. Красивое, черное с переливами насекомое размазано по забралу мерзкой влажной кляксой. Не спас хитиновый покров.

Даже если мне в лоб попадет, скажем, птица — шлем выдержит. Если и меня размажет по дороге, мое лицо останется целым.

Хотя какая разница?

А темп нарастает, дорога шипит гадюкой. Пальцы на ручке газа онемели, а запястье затекло. Кровь, словно влагу, потоками воздуха выдувает из тела, остается только сухая, ломкая скорлупа.

Прислушиваюсь к себе, ловлю свои мысли, но тут же бросаю это занятие. Что за глупость себя слушать? Дослушался — хватит! Я загоняю здесь мотоцикл только затем, чтобы больше ни о чем не думать.

Я и не думаю. Я слежу высушенными глазами за дорогой, цепляюсь взглядом за ее поверхность, нахожу в ней уготованные для меня подянки. В спину точно стальной прут вогнули, головы не повернуть. Ибросается навстречу зной, и мчится навывлет сквозь перфорацию экипировки, сквозь кожу и внутренности, сквозь живую плоть внутрь грубого панциря.

Июнь обещали жарким, а на деле дожди размочили даже бетон, и он стал похож на мокрый пепел в заплыванной пепельнице. Разило от него точно так же. Ковырни бетон пальцем, и останется под ногтем липкая вонючая субстанция, и непременно захочется бросить курить.

Ветер гнал с запада на восток серые армады туч, операция «Барбаросса» в небе развернулась значительно раньше положенного срока, и, взглянув на это безобразие двадцать второго июня, солнце, в свой собственный праздник, вовсе отказалось показываться на глаза.

С первых дней июля положение сил изменилось. Я не вникал, почему так произошло. Быть может, парад планет привел к возникновению атмосферного фронта, который атмосферно возник, и на землю опустилась жара и поползла по ней, горячо и лениво, подобно вулканической лаве.

Несмотря на скорость, кожаный панцирь экипировки готов лопнуть от температуры внутри и снаружи, истечь словно гноем, потом из вскрывшихся воддырей, и я выкручиваю ручку газа, стремясь сбросить с себя ядовитые щупальца солнечных лучей.

Мелькают справа и слева ржавые будки автобусных остановок, и поля, бесконечные запущенные поля, простираются за ржавыми будками. Меж полей, замаскированные оазисами лесопосадок, встречаются грунтовые дороги и ручейками впадают в основное шоссе.

Машин почти нет, а те, что попадают, шарахаются от меня, как от чумного. Это меня устраивает: «Вот еще, обращать внимание на четырехколесных идиотов!» Муравей, так я ласково зову свой мотоцикл, уверенно режет густое марево колесами, словно упрямый жеребец, рассекает грудью жаркие волны.

Марево, как желе, дрожит над асфальтом, над полями и остановками, искажает расстояние и очертание предметов, колышется лживо повсюду вокруг.

Ерзаю в седле, ищу удобное положение и немного откидываюсь назад, отыскав его. Капля пота стекает на бровь, дрожит на ней, угрожает скатиться в глаз. Система вентиляции шлема не справляется и, возможно, давно забита все тем же горячим желе. Хочется поднять забрало, смахнуть каплю ладонью и убрать, наконец, с визора налипшие останки жука.

Удара, который превратил меня и мотоцикл в единый комок костей и металла, я уже не увидел. Проснулся мгновением раньше. Я помнил лишь вылетевший с грунтовок наперерез синий потрепанный «Жигуленок», усатого колхозника за рулем, едкие капли пота на лице, а перед глазами на визоре мерзкую кляксу проклятого жука. Затем густое марево сна расплозлось и растаяло, и я проснулся, таким же ребенком, каким засыпал. А из угла, высунув желтую морду, хитро глядел на меня круглым глазом-катафотом мой первый велосипед «Муравей».

* * *

Трехколесный «Муравей» был самым крутым велосипедом не только во дворе, но, возможно, во всем микрорайоне. Мне не исполнилось еще и трех лет, но я отлично это понимал. На фоне примитивных и уродливых «Мальшей» сверстников «Муравей» выглядел произведением искусства. Покрытый желтым пластиком велосипед блестел на солнце. Украшенная по бокам красными глазами круглых катафот пластмассовая морда-голова плавно перетекала в бутристый загривок, напоминавший бензобак. Голову велосипеда

венчал длинный, высокий руль, похожий на усы насекомого. Имелся даже кузов, в который умещались более мелкие игрушки.

Он никогда не скрипел, не дребезжал, а мягко катился по любым поверхностям, будь то пол нашей квартиры, гладкий асфальт или сырая после дождя земля, в которой махом тонули расхлябанные колеса раздолбанных «Малышей».

Сравнить «Муравья» с остальными советскими трехколесниками не представляется возможным. То же самое, что сравнивать кресло и табуретку. Я страшно гордился, когда, откинувшись на сиденье, ловил на себе восхищенные взгляды детворы.

Я повзрослел аж до полных четырех лет, и, хотя я отчаянно сопротивлялся, моего верного красноглазого друга отдали подрастающему у родительских приятелей карапузу.

Но мне опять повезло. В моей жизни появился «Мишутка», а вместе с ним само понятие — скорость. По всем показателям велосипед вновь превзошел железных коней всех моих друзей-мальчишек. Их аппараты, кроме как издевательством над детством, и назвать нельзя.

На «Мишутке» — о боги! — стояли широкие камерные колеса, не в пример конкурентам с монолитными резиновыми. Мягкое сиденье, в отличие от пластмассовых у сверстников, ручной тормоз, а самое главное — во втулке велосипеда прятались настоящие подшипники, отчего «Мишутка» мог катиться на холостом ходу. Другим, чтобы двигаться, приходилось крутить педали постоянно.

Однажды солнечным весенним днем я, мой отец и «Мишутка», отец тащил велосипед подмышкой, вышли во двор. Двор нашей панельки не слишком подходил для детских игр, и мы отправились к дому по соседству, кирпичной пятиэтажке. Ее, как говорили жильцы нашего дома, строители спроектировали и возвели исключительно для себя, потому и она, и ее прилегающий двор выглядели значительно лучше.

Надо сказать, что «Мишутка», как и все велосипеды для детей от четырех до семи лет, оснащался двумя дополнительными колесиками, которые крепились к раме сзади для равновесия. Колеса до асфальта не доставали, и ездили юные велосипедисты, смешно переваливаясь с боку на бок. Разогнаться в таких условиях было невозможно.

Поставив «Мишутку» на асфальт, отец, к моему удивлению, дополнительные колеса открутил. Как он выразился: «За ненадобностью», — оставив мне только два основных. Затем, пододвинув велосипед к бордюру, скомандовал: «Полезай!»

Мой озадаченный вид ничуть не смутил отца. «Я буду держать тебя за спинку сиденья», — весело сообщил он, и я, воодушевленный его спокойствием, полез на своего «Мишутку». Оттолкнулся ногой от бордюра и поехал. Поехал и беспечно крутил педали, чуя надежную безопасность отцовской руки, пока не посмотрел назад — отец стоял на прежнем месте и улыбался.

Я ехал сам. Задыхаясь от восторга, ехал на двух колесах, точно Эверест покорял.

Весна в Сибири тягучая, вялая, сонливая. Не весна даже, а хвост зимы какой-то, словно зима свой хвост в лужу окунула. Снег сырой и тяжелый, под снегом вода, под водой лед.

Но во двор строителей весна почему-то приходила чуточку раньше. Асфальт подсыхал, меж брюхатых влагой сугробов виднелись покрытые жухлой травой прогаины бурой, сладко пахнущей земли, а с возвышенностей и бугорков, под лучами несмелого солнца, снег и вовсе сползал, и мелькала на них первая осторожная зелень.

Солнце бывало здесь чаще, заглянуло оно и сегодня, ограничив мой маршрут тенью от соседнего дома. Я мчался по двору с бешеной, как мне казалось, скоростью, открывая свой первый мотосезон.

Я единственный из сверстников научился ездить на двух колесах, и еще долго никому из них не удавалось освоить это умение. Больше всех моим достижением гордилась почему-то мама, не упуская возможности поведать о нем подругам.

Но время шло, запросы росли, и приходилось выбирать технику мощнее.

Помню чарующий аромат свежей смазки, шелест промасленной оберточной бумаги, холодный блеск железной рамы, девственно черную резину не знавших земли зубастых колес. Велосипед «Школьник»! Отец принес его на плече и поставил в коридоре, и вначале я услышал запах, а потом уже увидел своего нового друга.

Мы вытащили велосипед во двор, я забрался на сиденье, правда, все еще с бордюра, и, хотя мой «Мишутка» до сих пор пылился где-то на балконе, мне стало очевидно, что детство мое подошло к концу. Я еще не знал, что «Школьник» и впрямь станет тем велосипедом, который, гремя и рассыпаясь, перевалит через невидимую границу, доставив меня в мою юность, а сам канет в неизвестность. Останется в памяти только запах свежей смазки, шелест оберточной бумаги и зеленая и железная рама.

Мои родители развелись, и поставлять мне новинки советского велопрома стало некому. Сверстники во дворе пересели на «Уральцы», и я отчаянно крутил педали, пытаюсь нагнать их на стареньком «Школьнике», но вместо этого безнадежно катился в аутсайдеры.

Свой потрепанный «Уралец», в народе — «полувзрослик», я получил тогда, когда в нем уже не было острой необходимости, но именно на нем я отправился в свой первый «дальняк». «Уральцы» — самые массовые подростковые велосипеды того времени — встречались в каждом дворе. Обычно голубой заводской покраски, они могли приобретать совсем чудовищный окрас в руках своих владельцев.

Не обходилось и без тюнинга. На изгиб руля обязательно вешали шнур от телефонной трубки, на спицы колес наматывали разноцветную проволоку, но самым шиком считалось

установить вместо оригинального руля руль, скажем, от велосипеда «Кама». Рулевой стержень «Камы», из-за особенностей велосипеда, обладал большей длиной, чем у «полувзрослика», и если приладить такой руль на «Уралец», то последний становился отдаленно похож на чеппер, а ездить на нем можно было, откинувшись назад.

Мой же «Уралец» тюнингом похвастаться не мог. Да и уходила в прошлое сама страсть к велосипедам. Меня и моих друзей теперь интересовала рок-музыка, а она, как нам казалось, плохо сочеталась с дворовыми забавами.

Где моя мама, школьная учительница, нашла эту развалину, я гадаю до сих пор, но ржавый, обшарпанный «полувзрослик» в тот день появился перед моим подъездом. Скептически оглядев приобретение, я поволок велосипед в квартиру.

Камер в колесах не оказалось, подшипники в каретке требовали замены, а руль заржавел настолько, что я сорвал резьбу с гайки, безуспешно пытаясь хоть немного его приподнять. Но для замены камер вполне подходил изоляционный жгут, он же «колбаса». Правда, «колбасу» приходилось воровством добывать на стройке,ковыряя отверткой межпанельные швы. А такое занятие считалось делом неблагодарным и попросту опасным. Годился на роль камеры и плотный резиновый шланг нужной длины и диаметра, если запихнуть его между покрышкой и ободом колеса.

Подшипники тоже найти труда не составляло, благо «Уральцы» в окрестных дворах водились в изобилии. А руль? Да черт с ним, с рулем! В конце концов, я не собирался относиться серьезно к своему новому средству передвижения. Но именно «Уралец» открыл новый виток моей любви к двухколесному транспорту, стал последним знакомым для меня велосипедом, а затем навсегда растворился в стенах давным-давно проданной квартиры.

Вдоль дороги тянулись бесконечные штабеля бревен, между ними, пыхтя и упираясь, месили грязь лесовозы и трактора, ругались шоферы, маячили вдалеке над Енисеем похожие на богомолов испонинские береговые краны. Многие километры ландшафт завода «Перевалка» оставался неизменным. Мы ехали уже пару часов, но никак не могли покинуть его закопченной, унылой территории. Наши велосипеды подскакивали на комьях рыжей глины или плескали в стороны колесами радугу солярочных луж, оставленных на асфальте тракторами. Повсюду висел аромат мазута и древесины.

Мой товарищ по кличке Гера обернулся через плечо:

— Дальше будет село Абалаково, а за ним уже тайга, — Гера тряхнул своей рыжей головой.

Его не столько рыжая, сколько красноватого оттенка шевелюра служила мне ориентиром, флажком покачиваясь впереди. Гера ехал на велосипеде «Урал», или, как его называли — «Взрослик», потому угнаться за ним мне было сложно. Его шестьсотдвадцати двухмиллиметровые колеса против моих пятьсоттридцатитрехмиллиметровых давали ему существенную фору, но я намертво зацепился за своего ведущего и не отставал.

Тайга обрушилась тишиной на двух юных велосипедистов. Полыхнула навстречу из чащи картечь рябины, шальная птица, напуганно вскрикнув, заметалась над дорогой, сдвинул брови угрюмый лес, наблюдая за нами.

Мы катились все дальше, минуя утопшие по самые трубы в тайге деревушки, безымянные реки и ручейки грунтовых дорог, что впадают в основное шоссе. Мы не знали, куда держим путь, нам просто хотелось удрать с той вечной территории завода, в которую превратился весь наш прокопченный городок.

Тогда у нас ничего не вышло, сил хватило километров на сто, пришлось повернуть обратно. И в этом не было ничего смешного, сами попробуйте проехать сто километров на резиновых шлангах вместо латексных камер под покрывками старого советского велосипеда.

* * *

Однажды у меня получилось, и за спиной остались тысячи и тысячи дорог, но я до сих пор бегу. Может быть, от себя.

Бросаю мотоцикл в поворот, не сбавляя скорости. Тяжелый круизер, жалобно воя, выполняет задачу.

— Тише, тише, я слышу тебя, Муравей, — я отпускаю ручку газа, съезжаю на обочину, останавливаюсь и глажу мотоцикл ладонью по раскаленному бензобаку, успокаивая.

Жужжа, мимо пролетает большой, неуклюжий жук. Я какое-то время наблюдаю за полетом красивого, черного с переливами насекомого, затем поднимаю забрало. Жаркое марево тут же наполняет шлем изнутри, снимаю его и верчу головой. Волосы паклей прилипили ко лбу, капли пота висят на бровях, одна из них срывается вниз, скользит по переносице, стремясь закатиться в глаз. Смахиваю ее кончиком пальца.

Мотоцикл фыркает и вздрагивает всем своим стальным туловищем, но, остыв, урчит уже спокойно и мерно. Дорога плавится под солнцем, жара смешала асфальт с кислородом, получив новый элемент.

Дорога течет, пузырится и испаряется на глазах горячим туманом. Зыбкое пространство обманчиво впереди, да и время, пожалуй что, тоже.

Солнце хитро глядит на меня круглым глазом-катафотом с желтого, выгоревшего неба. «Солнечный круг, небо вокруг, это рисунок мальчишки». Я разворачиваю мотоцикл и... просыпаюсь. Из угла, высунув желтую морду, смотрит на меня мой первый велосипед «Муравей».